

Е. ФОГЕЛЬ

Владимир Набоков

В течение своего последнего семестра Набоков читал знаменитый курс европейского романа в помещении, где теперь находится Аудитория Кауфмана, раньше это был просто зал Голдвин Смит Б. Я преподавал там же курс лекций о Шекспире с 11 до 11:50. Набоков всегда приходил пунктуально, и у нас было несколько минут поболтать. Шел 1958 год, и тогда у меня была привычка проводить без предварительной подготовки пятиминутную устную или письменную проверку некоторых фактов, относящихся к данной пьесе, перед тем как перейти к другой пьесе Шекспира. Набоков однажды сказал: «Я вижу, Вы задаете им вопросы о Короле Лире». Я ответил: «Да». Тогда он продолжал: «А спросили ли Вы их, как звали собак Лира?» Я глубоко вздохнул и процитировал отрывок, чтобы показать, что я это знаю. Самозащита. «Собачки — Трэй, Бланш и Милочка — смотрите, они лают на меня». Он сказал: «Знаете ли Вы, как это переведено в наиболее популярной версии этого монолога на русском языке 19-го века?» Я сказал: «Нет, я не знаю, как это выражено». Тогда он заметил: «Говорится: “Собаки завыли у моих пят”». Он пожал плечами и посмотрел на меня, как будто хотел сказать: «Ну и переводчики!»

Да, мне казалось, что я знаю «Короля Лира» вдоль и поперек. В действительности же я получил очень важный урок от Набокова, так как задумался об этих именах. Частично они традиционны: «Трэй» — распространенное имя для собаки; у Стивена Фостера есть такая песня «Старый пес Трэй». Три собаки — у Лира было три дочери. Последняя, но не наихудшая — Корделия. Последняя, но не наихудшая из собак носит имя Милочка. И это были маленькие собачки. В наши дни их порода была бы пекинес или чихуахуа, но во времена Шекспира собачка была бы спаниелем. Существует целая цепь поэти-

ческих образов, в которых спаниели — воплощение неблагодарности. Они лизут вам руку, чтобы получить конфету, а потом поворачиваются спиной. Чем больше я думал о собаках Лира, тем больше меня поражало искусство Шекспира, его тонкая ирония — тем более, что Корделия, к которой отец относился так сурово, конечно, не отвернулась от него.

Разумеется, все эти мысли пришли мне в голову благодаря тому, что Набоков спросил меня, знаю ли я, как звали трех собак. И теперь, когда я читаю курс о Шекспире, то упоминаю вопрос Набокова в моей первой лекции и говорю: «Вы не поймете пьесу Шекспира, если не знаете имен трех любимых собак Короля Лира». И в этом аспекте сам Набоков действительно очень близок к Шекспиру. Почти каждая деталь в его рассказах должна быть принята во внимание. Он назвал свой последний сборник рассказов по заголовку первого рассказа сборника, вышедшего в 1924 году. Это название — «Катастрофа», что по-русски может означать гибель, крушение надежд, как и английское слово, но также и серьезную аварию. Впоследствии Набоков дал этому сборнику другое заглавие — «Детали захода солнца». И если вы смотрите на детали захода солнца — очень мелкие подробности — вы поймете что-то очень важное о рассказе. Мне кажется, что все его творчество такого характера. Самые мелкие детали могут быть важными, и читатель сам должен решить, какие именно. Он всегда говорил, что величайший писатель, который когда-либо жил на этой планете и достиг наивысшей степени выразительности, был Шекспир. И мне кажется, что он в большой степени научился своей технике у Шекспира.

Во время осеннего семестра 1958 года, когда мы оба читали лекции в одной и той же аудитории, Набоков однажды сказал мне нечто, что прозвучало как, возможно, приглашение перевести его русские произведения на английский: «Говорят, что будут переводить некоторые из моих старых романов и издавать их на английском языке. Не знаете ли Вы кого-нибудь, кто может заинтересоваться этой работой?» Я глубоко вздохнул, подумал с полминуты и все-таки еще не решил, как ответить на этот вопрос. Я должен был сразу заявить: «Нет, я никого не знаю», но это было бы невежливо. Поэтому я сказал: «А как насчет стиля, такой же он богатый и изысканный, как в „Лолите“?» Набоков кивнул, и глаза его засияли. Тогда я подумал еще полминуты и сказал: «Нет, я никого не знаю». Мне казалось, что он сможет найти достойного переводчика. Русские, с которыми я был знаком, не владели в достаточной сте-

пени английским. Я думаю, что был прав, не взяв на себя добровольно эту работу, так как не знал русский настолько хорошо, чтобы переводить его замечательные романы, тем более что тогда занимался другой работой: за несколько месяцев до этого я получил докторскую степень.

Один из наших аспирантов изучил русский язык в армии и серьезно подумывал написать диссертацию по английской и русской художественной литературе. Он пошел к Набокову. Ему хотелось написать что-нибудь о Достоевском. Я спросил его: «Эд, что произошло? Что сказал Набоков?» Эд ответил: «Ну что же, я сказал ему, что меня интересует Достоевский, а он заметил: “Достоевский? Достоевский очень плохой писатель”. Тогда я возразил: “Но разве он не писатель, который оказывает влияние на других?” Набоков ответил: “Достоевский не влиятельный писатель. Он не оказывает ни на кого никакого влияния”. Я спросил: “Разве он не оказал влияния на Леонова (советского писателя)?” Тогда Набоков поднял руки вверх и воскликнул: “Бедный Леонов! Бедный Леонов!” На этом интервью закончилось».

Перевод с английского
Веры М. Керн

